

Духовная биография К.С. Льюиса

По работе К.С.Льюиса
«Настигнут Радостью»

Что (Кто) есть Радость для К.С. Льюиса?

- Радость отличается от всех удовольствий, в том числе и от эстетического.
- Радость пронзает.
- Радость приносит боль.
- Радость дарует тоску неисцелимую.

Эстетических впечатлений было мало, а религиозных не было вовсе. Кое-кто из моих читателей решил, что меня воспитали строгие пуритане, — ничего подобного! Меня учили самым обычным вещам, в том числе — повседневным молитвам, и в урочное время водили в церковь. Я воспринимал все это покорно и без малейшего интереса. Отец с наслаждением впитывал обаяние традиции, древнего языка Библии и молитвенника; у меня этот вкус развился гораздо позднее и с трудом. Не знаю, во что верила мама

И вот я принялся волевым усилием вызывать в себе уверенность, что мои молитвы непременно будут услышаны. Я обращался к Богу (как я Его себе представлял) без любви, без почтения, даже без страха.

В том чуде, которого я ждал, Бог должен был сыграть не роль Искупителя или Судьи, а роль волшебника; сделав то, что от Него требовалось, Он мог уйти.

Мне и в голову не приходило, что та потрясающая близость к Богу, которой я добивался, связана еще с чем-то, кроме счастья и защиты семьи

Я вкусил Его плоть себе на погибель.
Из трусости я солгал, из трусости
совершил кощунство. Я не ведал и не
мог ведать, что творил, по ведь знал
же, что притворяюсь в самом
серьезном деле. Но я не мог
объяснить отцу свои взгляды. Из его
многословного ответа, из всех цитат,
которые обрушились бы на меня, я
услышал бы то же самое, чего совсем
не ценил: о красоте христианства, о
традиции, чувстве, упорядоченной

Главную роль в моем отказе от веры играли ненависть к авторитету, мой дикий индивидуализм, мое беззаконие. Больше всего на свете я не любил, когда ко мне «лезут». Христианство, казалось мне, будет вмешиваться в святая святых моей жизни. С ним невозможно договориться, в самых глубинах души я не смогу оградить место, обнести колючей проволокой и надписать: Вход воспрещен. А только этого я и хотел — клочка «своей земли», где я смогу ответить любому: «Это мое дело, и тебя оно не касается».

Оглядываясь теперь на свое прошлое, я удивляюсь, почему я не дошел до антихристианской ортодоксии, не сделался атеистом, леваком, иронизирующим интеллектуалом, каких сейчас много. Вроде бы все задатки были налицо.

По самой своей сути Радость стирает границу между обладанием и мечтой. Обладать — значит хотеть, хотеть — то же самое, что обладать. Я жаждал, чтобы меня пронзило то же острие, и миг этой жажды был свершением. Сходство между духовной жизнью и воображением проявляется и в том, что на обоих уровнях мы совершаем одни и те же ошибки. Я погубил свою веру опасным субъективизмом, все время требуя «исполнения», отвернувшись от Господа и сосредоточившись на себе, искусственно

Все книги, которые я читал, обратились против меня. Я долго был слеп, как летучая мышь, и не замечал нелепейшего противоречия между моей философией и непосредственным опытом читателя. Джордж Макдональд повлиял на меня больше, чем все остальные авторы; я только сожалел о его причуде, о его приверженности христианству. Честертон оказался разумнее всех моих современников вместе взятых — разумеется, если не принимать во внимание его веру. Удивительное совпадение — это касалось и Спенсера с Мильтоном. Даже с классическими авторами мои отношения складывались так же странно: я очевидно склонялся к самым религиозным из них, к Платону, Эсхилу, Вергилию.

Я начал читать Честертона, как прежде Макдональда, не зная, что меня ждет. Если уж я хотел оставаться атеистом, надо было выбирать себе чтение поосторожнее. Атеист должен держать ухо востро. Как говорил Джордж Герберт, «Библия готовит нам тысячи уловок, засад и сетей». Великий Ловец играл со Своей рыбкой, а я никак не замечал, что уже заплотил крючок

Я с ужасом обнаружил, что самый умный и начитанный студент в классе — христианин и верит в «сверхъестественное». В нем были и другие черты — честь и рыцарственность, вежливость, свобода и благородство, которые, хотя и нравились мне, казались старомодными (я ведь все еще старался поспеть за современностью).

Выходило, что это мы что-то утратили, что «устаревшее» и составляет

культуру «современное» ближе и

Я начал преподавать на английском отделении, и там обзавелся еще двумя друзьями. Они оба были христиане (похоже, эти странные люди уже окружали меня со всех сторон), в дальнейшем они очень помогли мне преодолеть последнее препятствие.

Это были Х. В. Дайсон и Дж. Р. Толкин.

Дружба с Толкином избавила меня от еще двух старых предрассудков.

С самого моего рождения меня предупреждали (не вслух, но подразумевая это как очевидность), что нельзя доверять папистам; с тех пор как я поступил на английское отделение, мне вполне ясно намекали, что нельзя доверять филологам. Толкин был и тем и другим.

Теперь я с изумлением понимаю, что, перед тем как Господь окончательно поймал меня, мне был предоставлен миг полной свободы. Я ехал по Хедиштон Хилл на втором этаже автобуса.

Внезапно, без слов, почти без образов, некий факт предстал передо мной: **я понял, что я отвергаю нечто, не желаю впустить.** Можно сказать, что я был одет в панцирь, словно краб, и вдруг почувствовал, что здесь и сейчас, в это мгновение, мне предоставляется свобода выбора: отворить дверь или оставить ее запертой, расстегнуть доспехи или не снимать их. Ни то ни другое не предъявлялось мне как долг, никаких угроз или обещаний этому не сопутствовало, хотя я знал, что, открыв дверь, сняв броню, я уступлю неведомому. Я должен был сделать выбор в один миг.

И вот я решил — открыть дверь, расстегнуть броню, ослабить поводья. Я говорю о выборе, но в то же время я как бы не мог выбрать другую альтернативу и не понимал, почему я так поступаю.

Вы можете возразить, что в таком случае я действовал не свободно, но я склонен предположить, что это был самый свободный поступок из всех совершенных мной в жизни.

Быть может, необходимость не противоречит свободе и человек наиболее свободен именно тогда, когда, не перебирая мотивы и побуждения, он просто говорит: **«Я — то, что я выбираю»**.

Затем мое чувство обрело образ. Мне показалось, что я — снеговик, который наконец-то начал таять. Ощущение не из приятных.

Так лису выкурили из гегельянского леса, и теперь она мчалась по полю, измученная, задыхающаяся, под крики погони и лай собак. Все они оказались в одной своре — Платон, Данте, Честертон, Толкин, Дайсон и сама Радость. Все они были в гармонии с мировым Духом. Наверное, мой Абсолютный Дух все еще отличался от Бога обычной веры, но дело было сделано: стоит искренне поверить даже в такого «Бога» или «Духа», и жизнь обновится внезапно, ужасно, потрясающе. Как сотряслись и соединились друг с другом сухие кости в страшном поле Иезекииля (37: 10), так и умозрительное построение, засушенное в моем мозгу, зашевелилось, приподнялось, отбросило саван, встало и обрело жизнь. Я больше не мог забавляться философскими играми.

И вот ночь за ночью я сижу у себя, в колледже Магдалины. Стоит мне хоть на миг отвлечься от работы, как я чувствую, что постепенно, неотвратно приближается Тот, встречи с Кем я так хотел избежать. И все же то, чего я так страшился, наконец свершилось. В Троицын семестр 1929 года я сдался и признал, что Господь есть Бог, опустился на колени и произнес молитву. В ту ночь, верно, я был самым мрачным и угрюмым из всех неофитов Англии.

Тогда я еще не понимал того, что теперь столь явно сияет передо мной, — не видел, как смиренен Господь, Который приемлет новообращенного даже на таких условиях.

Блудный сын хотя бы сам вернулся домой, но как воздать мне той Любви, которая отворяет двери даже тому, кого пришлось тащить силой, — я ведь брыкался и отбивался и оглядывался — куда бы мне удрать.

Слова «принудь войти», столько раз извращали дурные люди, что нам противно их слышать; но если понять их верно, за ними откроются глубины милости Божьей. **Суровость Его добрее, чем наша мягкость, и, принуждая нас, Он дарует нам свободу.**

Ни в малейшей степени мой ужас не был смягчен сознанием того, что я приближаюсь к источнику Радости, дарованной мне с детских лет. Ведь я и не догадывался, что Бог как-то связан со стрелами Радости. Скорее для меня все было наоборот: я **надеялся, что в средоточии реальности окажется «какое-то место», какой-то центр, а там оказалась Личность.** У меня были все основания предполагать, что в первую очередь эта Личность потребует от меня полного и безоговорочного отказа от всего, что я называл Радостью. Когда меня втащили через порог в это сокровенное пространство, изнутри не доносилось ни единой мелодии, ни ароматов райского сада. Никаких желаний я не испытывал.